

История о большом приключении, дружбе и свободе, основанная на реальных событиях

СЬЮЗАН ФЛЕТЧЕР

ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЛОЙ МЕДВЕДИЦЫ

Северная Сказка

Золотой компас (АСТ)

Сьюзан Флетчер

Путешествие белой медведицы

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-311.8
ББК 84(7 Сое)

Флетчер С.

Путешествие белой медведицы / С. Флетчер — «Издательство АСТ», 2018 — (Золотой компас (АСТ))

ISBN 978-5-17-112419-9

Однажды в далёком Средневековье король Норвегии решил подарить королю Англии белую медведицу. Ей предстояло отправиться в долгий путь по морю, но, запертая в клетке, она не подпускала к себе никого из матросов, не хотела есть и пить, рычала и скалилась, стоило кому-то приблизиться. И только мальчик Артур сумел успокоить её своими песнями. Вместе с медведицей он отправился в Лондон и со временем понял, как тоскливо ей, рождённой плавать в бурных водах, в тесной клетке на ладье. Желание оказаться на воле так ему знакомо... Смогут ли они когда-нибудь снова стать свободными?

УДК 821.111-311.8
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-112419-9

© Флетчер С., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	7
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	27
Часть II	29
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Северная Сказка

Сьюзан Флетчер Путешествие белой медведицы

Посвящается Куинсу

Susan Fletcher
JOURNEY OF THE PALE BEAR

Published by arrangement with Margaret K. McElderry Books, an Imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Печатается с разрешения литературного агентства Andrew Nurnberg.

Иллюстрация на обложке *Шейна Ребенинда*
Дизайн обложки *Анастасии Чаругиной*

В макете использованы материалы по лицензии shutterstock.com

Text copyright © 2018 by Susan Fletcher

Jacket illustration copyright © 2018 by Shane Rebenschied

© Е.С. Токовина, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Лондон, 1272 год

Вечером, когда становится темно, я возвращаюсь в крепость. Стражник подносит к моему лицу фонарь, и на мгновение я слепну, шурясь от яркого света. Тихий звон кольчуги, лязг меча... Фонарь исчезает, и вокруг меня снова сгущается сумрак. Лишь призрачные пятна света плывут по воздуху передо мной. Я слышу скрежет больших железных засовов; глухой щелчок ржавого металла – и они открываются. А потом высокие западные ворота, хрипя и поскрипывая, распахиваются, чтобы пропустить меня.

Один из стражников отделяется от своих товарищей, чтобы меня проводить; все они знают, куда я иду. Мы пересекаем ров по деревянному мосту, и глухой звук наших шагов раздаётся в тишине. Пройдя через вторые ворота, мы попадаем в коридоры внешней крепостной стены. Фонарь стражника колеблется, и тень со светом водят вокруг нас причудливый хоровод. Моя рука привычно держит кожаную шляпу¹. У меня на плече – тяжёлый канат; его большие толстые кольца тихонько поскрипывают в такт нашим шагам. И вот я снова ощущаю пыльный запах перьев и свалывшейся шерсти, землистый душок навоза. Я слышу, как тяжело ступают её лапы, как она фыркает, рычит, зевает... а потом (так знакомо!) начинает низко урчать в знак приветствия.

Медведица ждёт, прижавшись к железным прутьям клетки. Её старый нос судорожно принюхивается к нам. Она всегда чует моё приближение, хотя я до сих пор не могу понять, как ей это удаётся. Её тяжёлый, резкий, терпкий запах наполняет мои лёгкие, и дышать становится тяжелее. Вставив ключ в замок, стражник прячется за моей спиной, и я проскальзываю в клетку.

Медведица обнюхивает меня с ног до головы, а потом подставляет свою большую широкую голову, чтобы я её почесал: левое ухо с рубцом от пиратской шпаги, морду с глубоким шрамом от стрелы. Я кладу шляпу на землю и зарываюсь пальцами глубоко в её шерсть, касаясь чёрной кожи, – как она любит. Шерсть густая и жёсткая. Я зарываюсь в неё лицом и вдыхаю запах всё ещё дикого животного. Медведица издаёт тихий рык, и он перерастает в низкий рокошущий вздох, словно поднимающийся из глубин земли.

Я перекидываю ремень через голову медведицы, застёгиваю на её груди, затем снимаю канат с плеча и привязываю его к кольцу на шлее. Вывожу её из клетки, и мы идём под тенью деревьев Тауэра в сторону речных ворот.

Теперь она уже старушка. Её шерсть потускнела, зубов осталось мало, а тазовые кости выступают, как плавники, над её спиной. Медведица медленно шаркает следом за мной, согнувшись под тяжестью лет и прихрамывая; кроткая, как ягнёнок в угодьях моего отчима. Больше не пытается сбежать. Кажется, наконец довольна.

Но так было не всегда. Когда-то она наводила страх на самых храбрых моряков, проплывала сотни лиг² без остановок, выдерживала град стрел, сражалась с пиратами. Спасла мальчика, который её любил. Когда-то ею восхищались и гордились короли. Давным-давно... когда мы с ней были юными.

¹ Шляпа – конструкция из ремней, охватывающая шею, грудь и часть спины животного. Заменяет ошейник. – *Здесь и далее, если не оговорено иное, примечание редактора.*

² Лига – британская и американская единица измерения расстояния. 1 лига равняется 4,82 км.

Часть I Норвегия

Глава 1 Вор

*Берген, Норвегия
Весна 1252 года*

Меня разбудил запах жареного мяса.

Моросил неприятный дождь, и, хотя я заснул, свернувшись калачиком под крышей сапожной мастерской, мокрая земля успела напитать влагой мои плащ, тунику и рубаху. Слух уловил чьи-то разговоры и смех, но я точно знал: меня разбудил не шум. Нет. Запах.

Он словно дразнил меня: то усиливался, то становился едва уловимым. На мгновение мне даже показалось, что это сон. Но тут я с новой силой ощутил его: насыщенный, густой аромат мяса, от которого у меня потекли слюнки. Я приподнялся на локте и вдохнул этот запах, представляя, как вгрызаюсь в аппетитный кусок баранины, приготовленный мамой. Я почти почувствовал тепло и тяжёлую ленивую негу сытого человека.

Я поправил шапку, закинул за спину котомку и, покачиваясь, поднялся на ноги. Мои припасы закончились два дня назад, и я очень ослаб от голода.

Голоса немного утихли и послышались снова. Стемнело; даже звёзды исчезли за облаками. Толпа на улице заметно поредела, и теперь лица прохожих, искажённые тенью и светом загорающих фонарей, казались мне зловещими. Вдоль набережных Бергена гордо возвышались богатые дома и здания лавок, плотно прижимающиеся друг к другу и не оставляющие места для таких голодных заморышей, как я.

Я прокрался вниз по улице и, свернув в переулок, увидел постоялый двор, в окнах которого горел неяркий тёплый свет. Аппетитный запах мяса усилился, и я мучительно сглотнул. Я убеждал себя снова и снова: бесполезно пытаться себя этими соблазнительными ароматами, ведь без денег меня здесь никто не ждёт. Мне даже может грозить опасность.

Открыв дверь, я вошёл внутрь. Хотя в трактире былолюдно, он производил мрачное впечатление. В воздухе смешались запахи пота, кислого эля, мокрой шерсти и грязи. Но аромат горячего мяса перекрывал все остальные и увлекал меня в глубину заведения. Мимо прошмыгнула горничная, неся на голове огромный поднос, и с грохотом опустила его на стол. Передо мной во всей красе предстали запечённые кролики, утопающие в душистом соусе и крови. Вокруг подноса столпились мужчины в синей моряцкой одежде и принялись отрезать и отрывать куски мяса. Ароматная крольчатина исчезала с невероятной скоростью, пока на подносе не осталась последняя ножка.

Я не тратил времени на размышления. Я решил действовать. Проскользнув между двумя моряками, которые потянулись к подносу, я схватил кроличью ножку и что есть мочи рванул к двери.

Позади раздался крик:

– Эй! Мальчишка!

Ещё крики. Проклятия. Скрип скамей за моей спиной.

– Держи вора!

Кто-то ухватил меня за край плаща и едва не повалил на пол. Оглянувшись, я посмотрел на него: белокурый крепкий моряк примерно пятнадцати лет, может, на пару-тройку лет

старше меня. Я с силой лягнул его и вырвался, а потом взобрался на стол, но споткнулся и перекатился на другую сторону, попутно перевернув несколько кружек и большой кувшин с элем.

– Эй!

Кто-то попытался схватить меня за ноги. Я увернулся – и налетел на блюдо, до краёв наполненное мясом, а потом спрыгнул со стола и побежал к выходу. Распахнув дверь, я врезался в человека, а стоило мне проскользнуть мимо него, как я упал на землю, так и не выпустив кроличью ножку. Вскочив и растворившись в темноте, я молился, чтобы моряки в трактире оказались слишком пьяны и ленивы для погони.

Глава 2

Дикий

Я помчался вниз по улице, скользнул за угол и очутился в небольшом переулке.

Они приближались: до меня доносились тяжёлые шаги, звон металла. В руках одного из них был фонарь. Пересёкши заросшую травой дорогу, я ещё раз завернул за угол, перевёл дух на перекрёстке и нырнул в ближайший переулок. Впереди виднелись широкие ворота, распахнутые настежь, а чуть дальше, вниз по переулку, шёл мужчина в синей моряцкой одежде, который обнимал женщину, склонив голову к её волосам. Я услышал её смех и сбавил шаг, чтобы ненароком не привлечь к себе внимание, а затем снова оглянулся. Я по-прежнему слышал шаги – теперь уже совсем тихие, – но не мог понять, откуда идёт звук, и не видел преследовавших меня людей.

Я прошмыгнул в ворота.

Здесь было ещё темнее. Похоже на амбар. В помещении стоял сильный рыбный запах, но в него вплетался ещё какой-то странный животный душок: не лошадь, не овца, не корова, а... я споткнулся обо что-то твёрдое; наклонившись, нащупал бочку и прополз чуть дальше, чтобы меня не было видно с улицы. А потом я наконец присел и начал есть – вгрызся зубами в кроличью ножку; сок бежал по моему подбородку и стекал на тунику и рубаху. Мясо! Всё ещё тёплое и...

Голоса. Двое ворвались в помещение следом за мной. Я метнулся в сторону, чтобы уклониться от тощего юнца с фонарём – и тут же врезался во второго. Я узнал его: белобрысый парнишка из трактира. Он схватил меня за шкирку.

– Я тебе сейчас покажу, как воровать у меня, щенок!

Я почувствовал, как он сорвал с меня котомку.

– Так-так. Что тут у нас?

Его слова напомнили мне о самом старшем из моих сводных братьев, Эдвине. Тот говорил похожим тоном, когда хотел заполучить мои вещи. Я попробовал увернуться, но моряк крепко держал меня. Неожиданно из дальнего тёмного угла амбара послышался низкий рокот. Я почувствовал, как волосы у меня на затылке встали дыбом. Моряк застыл в оцепенении.

– Что это? – спросил тот, у которого был фонарь. Он выглядел совсем юным, немногим старше меня.

– Понятия не имею, – отозвался второй и крепко ухватил меня за запястье. – Может, посмотрим?

– Пойдём лучше отсюда, Хаук, – предложил парень с фонарём. – Ты можешь отметить его в переулке.

– Прекращай своё нытьё, – отрезал Хаук. – Я хочу посмотреть, что там.

В темноте снова раздалось глухое урчание, за которым последовали тяжёлые шаркающие шаги. Вероятность получить тумачков в тёмном переулке уже не казалась мне такой ужасной. Мои сводные братья постоянно лупили меня. Я, можно сказать, самый настоящий мальчик для битья. Я лягнул Хаука два раза, но потом он меня в живот, и я согнулся от боли. Моряк потащил меня за собой вглубь амбара. Запах животного усилился – дикий и резкий, с мускусными нотками. К горлу подступила тошнота.

В тусклом свете фонаря я увидел большую белую фигуру. Животное... в клетке. Медведь. Белый медведь. С Севера. Он расхаживал по клетке из стороны в сторону и мотал головой от нетерпения. Мне хорошо знакомо такое нетерпение – когда внутри жужжит и гудит, все жилы напряжены до предела и тебя снедает желание броситься бежать, бежать как можно дальше.

– Хаук, – повторил парнишка с фонарём. – Пойдём.

Но Хаук тащил меня к медведю. Я понял, что он собирается сделать, и начал изо всех сил отбиваться. Я кричал, брыкался, бил его кроличьей ножкой. Он схватил меня за руки и заломил их за спину.

Медведь испустил долгий вздох, похожий на стон.

– Нет! – закричал я. – Не делай этого. Я верну тебе твоё мясо. Я...

Но Хаук не слушал. Он развернул меня боком и начал пропихивать между прутьями. Сначала я понадеялся, что не пролезу, но вот в клетку проскользнуло моё плечо, потом голова, а за ними и бёдра. Пошатнувшись, я упал на колени прямо на пол, а когда поднял глаза, то увидел, что медведь стоит в дальнем углу клетки... и смотрит прямо на меня.

Глава 3

Белый медведь

В его глазах, маленьких и тёмных, я увидел насторожённость, любопытство и осознанность. До меня долетало его дыхание, а в нос мне ударил сильный, тяжёлый медвежий запах, и постепенно я начал в нём тонуть. Где-то вдалеке слышались голоса Хаука и парня с фонарём: они о чём-то ожесточённо спорили, но все эти звуки перекрывали стук моего сердца, которое готово было выпрыгнуть из груди, и бешеное желание бежать отсюда.

Медведь раскатисто зарычал.

Я вскочил на ноги и пятился до тех пор, пока не ощутил спиной холодные прутья железной клетки. Я не сводил глаз с широкой белой морды зверя, как будто силой взгляда пытался заставить его отступить и не разрывать меня на кусочки огромными челюстями и когтями. Я видел эти когти – огромные когти, когти из ночных кошмаров про чудовищ.

Прямо над моим ухом раздалось сопение. Большой чёрный нос напряжённо принюхивался, словно что-то искал. Воздух наполнился монотонным гудением, и мне казалось, этот звук пронизывает до костей. Медведь медленно наклонился, и я увидел, что с его плеча свисает что-то вроде ремня. В следующее мгновение зверь устался на мою грудь, а я опустил глаза и понял, что по-прежнему сжимаю в руке кроличью ножку. Так вот к чему принюхивался медведь!

Я осторожно отвёл жареную ножку от груди. Наверное, я мог бы просто вытянуть руку и предложить зверю мясо, как подавал маме упавший напёрсток, но тут медведь сделал шаг навстречу, и меня сковал ужас. Что есть силы я метнул ножку вперёд, и, угодив в прут решётки, она шлёпнулась на пол. В ту же секунду огромная голова медленно повернулась ко мне, и медведь посмотрел мне прямо в глаза. Его взгляд выражал нечто вроде упрёка, будто он хотел сказать, что бросаться едой вовсе не обязательно: это ниже и медвежьего, и моего достоинства. Затем он наклонился, схватил кроличью ножку и, сжав огромные челюсти, разгрыз её.

Я судорожно выдохнул, сделал осторожный шаг назад и просунул ногу между прутьями решётки. Меня никто не остановил, хоть до моих ушей доносились чьи-то голоса. Медведь издавал ужасающие звуки: щёлкал зубами, хрустел костью, чавкал. Скоро от кроличьей ножки ничего не останется, и потом... я продолжал медленно пятиться. Когда бёдра проскользнули сквозь решётку, почти пролезли грудь и плечи, неожиданно раздался знакомый низкий голос:

– Эй, ты! Мальчик!

Медведь поднял голову с оглушительным рыком. Я попытался вернуться в клетку, но ничего не вышло: я застрял – и тут кто-то потянул меня за руку. Тело выскользнуло из клетки слишком быстро, и, не успев повернуть голову, я со всей силы ударился подбородком о железные прутья.

– Быстрее! – крикнул незнакомец.

Я мотнул головой и вылетел наружу как раз в тот момент, когда медведь бросился за мной. Путь клетки заскрежетали, и даже пол под моими ногами содрогнулся.

Из пасти медведя снова вырвался леденящий душу рёв, и мои мысли окончательно спутались. Я почувствовал, как рука незнакомца отпустила меня. За моей спиной послышались крики и звуки борьбы. Рёв прекратился. Я моргнул, огляделся по сторонам и побежал к двери, но тут рука снова сомкнулась на моём запястье, и прямо над моим ухом прозвучал раскатистый бас:

– Ты совсем спятил? Что ты здесь забыл?

Глава 4

Этого мы оставим

Я плохо видел человека, который говорил, в мерцающем полумраке, но квадратный его силуэт излучал надёжность и решительность. Его рука железным обручем обхватывала моё запястье, и я понял, что сбежать не получится.

– Что ты можешь сказать в своё оправдание? – строго спросил он.

Я огляделся по сторонам и увидел Хаука – его руки были связаны верёвкой за спиной. Конец этой верёвки сжимал в кулаке стоявший рядом с Хауком моряк, которого до того я видел на улице с женщиной. Должно быть, это караульный, которого отвлекли от работы.

– Он затолкал меня в клетку, – заявил я, указывая на Хаука. – Я просто шёл своей дорогой, и тут...

– Он украл мой ужин! – перебил Хаук.

– Неправда!

– Правда!

– Неправда!

– Правда! У меня есть свидетели!

Мужчина, державший меня, повернулся к Хауку.

– Я полагаю, твой свидетель – это сбежавший мальчишка? – поинтересовался он.

– Это Оттар, – ответил Хаук. – Можете пойти в трактир «Латунный карлик». Там подскажут, где его найти. Другие тоже видели. Они подтвердят мои слова.

Я сглотнул, вспоминая, как вскочил на стол, перевернул кувшин и растоптал еду. Да, свидетелей там было предостаточно.

– Но это ты влез куда не следует и побеспокоил медведя, – обратился мужчина к Хауку. Побеспокоил *медведя*? А про меня никто не подумал?

– Я никуда не влезал, – ответил Хаук. – Дверь была открыта. И *он* вошёл первым.

Хаук кивнул в мою сторону.

– Я просто пошёл следом.

– И ты решил проучить его и бросить в клетку с медведем?

Хаук пожал плечами.

– Но я же его выпустил!

– Он мог погибнуть. Его жизнь висела на волоске – по крайней мере, мне так кажется, – добавил мужчина и с любопытством оглядел меня.

– Это правда. Я чуть не погиб, – подтвердил я. – А ещё он украл мою котомку! – Я указал на пол, где она лежала. – И он не *выпускал* меня, он...

– А ты *действительно* украл его ужин?

Я почувствовал, как кровь приливает к лицу. Мне только-только начало казаться, что незнакомец на моей стороне! Интересно, как поступают с ворами в этом городе? Запирают в темнице? Изгоняют? Отрубают руки?

Мужчина сильнее сжал моё запястье.

– Отвечай!

– Я не знал, что это его ужин, – промямлил я.

– Но ты украл его! – возразил Хаук.

– Я был голоден. Меня ограбили и отобрали все деньги!

– Хм-м-м.

Незнакомец внимательно посмотрел на меня, как будто прикидывал, хватит ли длины верёвки, чтобы вздернуть меня.

– Что прикажете делать с этим, доктор? – спросил караульный, дёрнув за верёвку, которой были связаны руки Хаука.

Доктор. Я думал, он констебль или какой-нибудь другой высокопоставленный чиновник.

– Держись отсюда подальше, – обратился доктор к Хауку. – Мне неинтересно, что украл другой. Если я ещё раз увижу тебя где-нибудь рядом с медведем, ты очень об этом пожалеешь.

– А что насчёт него? – поинтересовался Хаук, бросив на меня гневный взгляд.

– Не твоё дело. Держись подальше. Понял?

Хаук пожал плечами.

– *Ты меня понял?*

– Да, – процедил Хаук сквозь зубы.

– Подожди-ка, – произнёс доктор. – Ты сказал, что был в «Латунном карлике». Ты моряк?

Хаук снова пожал плечами, но караульный со всей силы дёрнул за верёвку, и тот споткнулся и выкрикнул:

– Да!

– Куда ты отправляешься?

– А вам какое...

Караульный дёрнул ещё раз.

– Лондон.

Лондон. Я пытался попасть на этот корабль, но меня не взяли.

Несколько мгновений доктор молчал.

– Отпустите его, – приказал он.

– Но... – начал было караульный.

– Не думаю, что он захочет вернуться.

Караульный достал нож, разрезал верёвку и толкнул Хаука в спину. Моряк растворился во мраке.

– А с этим что? – спросил караульный, кивая на меня.

– С этим? – переспросил доктор. – Этого мы оставим.

Глава 5

«Латунный карлик»

Он отвёл меня в трактир «Латунный карлик» – туда, где я был до всей этой истории. Хотел поговорить, но сначала вернул мне котомку и пообещал накормить. Я боялся, что он соберёт свидетелей Хаука и отправит меня в констебулярию³, чтобы... Заковать в колодки? Выколоть глаз? Пытать и четвертовать? Я хотел его пнуть, вырваться, но он крепко держал меня за руку, словно прочитал мои мысли. Сбежать не получится.

Когда мы вошли, в трактире было очень шумно. В воздухе витал аромат эля, смешанный с запахами мяса и пота, а под потолком клубился дым. Хмель завладел моряками: они пели, танцевали и притопывали в такт мелодии волынщика, который приехал издалека. Двое из них затеяли шуточную драку в центре зала, а ещё двое по соседству разругались всерьёз: кусались, били друг друга по лицу, таскали за волосы и дёргали за уши. Трактир был плохо освещён, и я с облегчением отметил, что никто, по-видимому, не узнал во мне *кроличьего воришку*. На самом деле никто даже не посмотрел в мою сторону. Доктор уверенно пробиравшись сквозь толпу и наконец указал мне на столик в самом дальнем углу трактира, откуда крики моряков казались монотонным гулом.

Он заказал ужин – большой поднос с ячменным хлебом и густой подливой из оленины – и подвинул в мою сторону, когда трактирщик опустил его на стол. Я стянул котомку с плеч и набросился на еду, как будто её могли отнять у меня в любую минуту. Мясо было жёстким, жилистым и хрящеватым, но вскоре я почувствовал приятное тепло и сытость. Я обмакнул последний кусочек хлеба в подливку, и мне больше ничего не оставалось, кроме как снова посмотреть на доктора. Всё это время он внимательно наблюдал за мной.

У него было широкое квадратное лицо – не как у толстяков, а именно широкое, как у здоровяков с крупной костью. Его настороженный пронизывающий взгляд почему-то напомнил мне взгляд старого боевого коня моего отчима: всегда готовый к любым опасностям, он смотрел на мир с мудростью печального, уставшего от жизни создания, повидавшего на своём веку слишком много страданий и смертей. В свете огарка на щеках доктора выделялись маленькие рытвинки и шрамы, а в уголках его глаз и на лбу – морщинки. Он не хмурился и не улыбался, просто рассматривал меня, как загадку, которую ему предстояло разгадать.

– Когда ты ел в последний раз? – спросил он.

Я пожал плечами.

– Где твой отец?

Этот вопрос вызвал из глубин моей памяти его голос – голос отца – низкий, с тёплой хрипотцой. Прошло шесть лет, с тех пор как его жизнь унесла лихорадка. Мне тогда было шесть лет.

Я опять пожал плечами.

– Что ж, хорошо. А твоя мать? Где она?

Мама... Она, должно быть, сходила с ума от тревоги. Она даже не знала, жив я или мёртв.

– Значит, ты беглец?

Я снова ощутил знакомое беспокойство и ноги начали гудеть, в ушах застучало, сердце забилось сильнее. Я схватился за стол одной рукой и одну ногу опустил на пол, устланный травой. Как поступают с беглецами в этом городе? Отрезают им пальцы на ногах? Отправляют в рабство? Варят заживо в кипящем масле?

³ Констебулярия – так в Средневековье в англоязычных странах называли полицию.

Но когда я снова поднял глаза, что-то во взгляде доктора остановило меня. Он смотрел на меня не как на маленького, ни на что не годного мальчишку, который в очередной раз убежал из дома, а так, как смотришь, например, на новый молот, пытаюсь оценить, насколько он хорош, прежде чем заплатить за него торговцу инструментами.

– Что ж, отлично, – неспешно произнёс доктор. – Я хотел бы задать тебе ещё один вопрос. Ты хорошо ладишь с животными? Лошадьми, собаками, коровами... словом, любыми животными, с которыми тебе приходилось встречаться?

Медведь. Он хочет поговорить о медведе.

– Нет, – быстро ответил я, и мой желудок сжался от страха.

В нашем доме говорили про полярных медведей. Время от времени у нас останавливались охотники и рассказывали истории... Мы боялись белых медведей больше, чем волков и рысей, – пожалуй, больше всех на свете.

Доктор не отводил от меня взгляда.

– Понимаешь ли, – продолжил он, проигнорировав мой ответ. – Мне показалось, что ты нашёл общий язык с той медведицей. Когда я вошёл в амбар, она просто смотрела на тебя, принимаясь. Как долго ты находился в клетке? До сих пор она нападала на каждого, кто пытался покормить её или прибраться в клетке... а на тебя – нет.

Она. Я не думал, что это она...

– Вы не заставите меня вернуться. Я ни за что не пойду в эту клетку снова! Ни за что на свете!

– Если кому-то придётся заходить в клетку, то только мне. Но если твоё присутствие – хотя бы снаружи – успокоит её, будет просто чудесно. Она целыми днями мечется по клетке и бьётся о решётку. Взрослые крепкие мужчины боятся приближаться к ней. И от меня она... как бы это сказать... тоже не в восторге.

Доктор закатал рукав и показал мне глубокую длинную рану на своём предплечье. Она уже затянулась, но по-прежнему была красной по краям.

– Чтобы осмотреть её, я пытался одурманить её сонными травами, но они не действовали. Да даже если бы у меня получилось... она почти не ест и может умереть от голода. И если бы мы нашли кого-то, кто ладит с животными и с кем поладит она, это очень помогло бы делу.

– Но зачем? – спросил я. – Зачем вам нужен медведь?

– Мне нет никакого дела до этой медведицы!

Доктор откашлялся; казалось, он пытался совладать с собой. Когда он снова заговорил, в его голосе уже не было раздражения.

– Но я должен заботиться о ней. А зачем – тебя не касается. Так что, мальчик? Ты ладишь с животными? Если да и если ты готов помочь, я в долгу не останусь.

Некоторые животные в нашем поместье правда любили меня. Кошки, жившие в коровнике, тёрлись о мои ноги и мурлыкали, – даже старый Балдур, который на всех шипел. Овцы паслись рядом со мной, когда я чинил забор. Однажды я отвёл на пастбище коров, пробравшихся в приусадебный сад. Ничего сложного. Мой отец ладил с лошадьми, и я тоже легко находил с ними общий язык. Но медведица...

Я вспомнил, как почувствовал её желание: она хотела сбежать – так же, как и я. И так же, как и я, ощущала беспокойство. Я вспомнил, как она посмотрела на меня, когда я швырнул ей кроличью ножку, упрёк в её глазах...

– Что с ней будет? – спросил я. – Если вам нужна её шкура...

– Мне не нужна. Нам не нужна.

– А что тогда?

– Она не моя. Она... подарок. Одного могущественного человека другому.

– А вы – могущественный человек?

– Нет. Но я служу такому.

– Но кому нужен живой медведь?

– Послушай... Как, говоришь, тебя зовут?

Я не представлялся до этого, поэтому сказал:

– Артур.

– Слушай, Артур. Сильные мира сего делают то, что хотят; таким, как мы, их не понять. Но позволь задать два вопроса. Чего *ты* хочешь? Как я могу отблагодарить тебя за помощь?

Я разинул рот от удивления. Никто никогда меня о таком не спрашивал.

– Хочешь, я найду тебе опекуна и безопасное жилище? Хочешь, отдам тебя в подмастерья какому-нибудь ремесленнику? Это в моих силах. Или я могу помочь тебе вернуться к маме и папе, если...

– Мой отец мёртв.

На мгновение лицо доктора помрачнело.

За моей спиной раздался звон посуды, за которым последовал внезапный взрыв хохота.

– Чего ты хочешь? – снова спросил доктор, только на этот раз его голос звучал мягче.

У меня в глазах защипало. Нахмурившись, я стиснул зубы. Чего я хочу?

Хочу домой. К маме.

Но это невозможно. Мне пришлось сбежать от отчима-тирана и от жестоких сводных братьев, которые постоянно чинили мне неприятности. На самом деле я сбежал от них постоянно в течение многих лет. То самое беспокойство, нетерпение копились во мне, и в какой-то момент я не мог уже усидеть на месте, не смог больше находиться дома и заниматься какими-либо делами. Мои ноги начинали зудеть, и мне хотелось только бежать, бежать без оглядки: в домик лодочника на берегу фьорда; в пещеру высоко в горах. Я прятался там так долго, как только мог, но голод снова и снова заставлял меня возвращаться. Голод, одиночество и холод. И тогда я плёлся домой, потерпев очередное поражение, потому что на самом деле мне было некуда деваться.

Пока не пришло письмо. Письмо от папиной родни.

Я вздохнул, погрузившись в воспоминания, и снова воскресил папу в своей памяти. Вспомнил, как он, пропахший потом, кожей и сеном, сажал меня на косматого пони и учил гарцевать: *«Держи поводья. Вот так, сынок. Сиди ровно и крепко сжимай бока лошадки ногами. Однажды мы с тобой отправимся в бой вместе с принцем».*

Я как будто снова ощутил поддержку моего большого сильного папы, грубую шёрстку пони под моими пальцами, тепло папиных рук и мерное дыхание лошадки.

– Завтра утром мы отплываем в Лондон, – сказал доктор. – Если отправишься с нами и будешь присматривать за медведицей до прибытия туда, потом я отвезу тебя обратно в Берген и дам тебе всё, чего ты пожелаешь. Если это в моих силах.

Лондон.

– Отплываете в Лондон?

Морщины на лбу доктора разгладились, и он наклонился ко мне.

– Ты хочешь попасть в Лондон?

Я положил руку на котомку, по-прежнему лежавшую у меня на коленях, и почувствовал плотный пергамент. Письмо. Письмо из Уэльса.

– Не совсем туда, – ответил я. – Мне нужно в Уэльс. Там живут папины родственники, и они очень меня ждут.

Глава 6

Письмо

Это письмо коновал⁴ передал в руки моей матери. Он получил его от кузнеца, который в свою очередь получил его от извозчика, которому дал его капитан корабля, пришедшего из Англии прошлой осенью.

Коновал немного умел читать. Он смог разобрать имя моей матери на письме, а также название ближайшего города. По его словам, надписи были сделаны двумя разными людьми.

– Я могу попробовать разобраться, – предложил он.

Мама провела пальцами по толстому пергаменту цвета сливок, запечатанному сургучом, и смахнула с глаз прядь золотистых волос. Я понятия не имел, что она будет делать. Обычно мама не делилась ни с кем своими бедами, и содержание письма коновала точно не касалось. Но если бы она отказалась от помощи, пришлось бы ждать священника, а это заняло бы не менее недели. Мой отчим... он мог забрать у неё письмо по праву супруга и пообещать: *ему* его прочтут и *он* расскажет всё, что маме нужно знать.

Тем временем вокруг нас уже собралась толпа. Не припомню, чтобы письма до этого приносили прямо в поместье, хотя я знал: отчим хранит пару-тройку писем в маленьком закрытом сундуке.

Всё это произошло сразу после обеда. Отчим уехал покупать новую жерёбую⁵ кобылу, а мы стояли в окружении трёх моих сводных братьев и слуг, снующих неподалёку. Собаки бегали, принюхиваясь и надеясь на подачку, а старый пёс сел мне на ногу и прильнул к моему колену седой головой.

Мать наконец оторвала взгляд от письма и посмотрела на коновала с мольбой, что я редко за ней замечал.

– Да, – сказала она тихим дрожащим голосом, – прочтите. Пожалуйста.

– Дай посмотреть, – сказал Эдвин, мой сводный брат.

Мама подняла голову, взглянула на него, а затем неуверенно обвела всех взглядом. Брат наклонился вперёд, протянув руку к пергаменту, но мама повернулась к нему спиной, вручила письмо коновалу и повторила:

– Читайте.

Лицо Эдвина покраснело, он насупился, а коновал тем временем сломал печать и торжественно развернул жёсткую бумагу. Щурясь, он поднёс письмо к глазам, затем, напротив, вытянул руки во всю длину. Наконец он повернулся к матери:

– Не могу сказать, что это за язык. Точно не наш. Может, французский или латынь, хотя тоже не похоже. Я никогда не видел ничего подобного.

Он вернул послание матери, и она принялась изучать его, водя пальцем по поверхности пергамента. Вдруг палец замер.

– Я знаю это слово, – прошептала она, переводя взгляд с письма на меня и обратно.

– Я его видела на... на камне.

Одной рукой обняв меня, мама поднесла другую, с письмом, к моим глазам.

– Смотри, Артур, – сказала она, указывая на слово. – Это имя твоего отца: Моркан. Письмо пришло к нам из Уэльса!

На следующий день, до того как вернулся отчим, мы с мамой сели вместе у очага и изучили письмо. Время от времени сводные братья – то Эдвин, то Хальфдан, то Сорен – заходили к нам, требуя то кружку эля, то лепёшку, то кусок сыра. Мама быстро давала им, что они

⁴ Коновал – раньше так называли ремесленников, которые лечили домашнюю скотину, преимущественно лошадей.

⁵ Жерёбая кобыла – беременная кобыла.

хотели, и возвращалась ко мне и к письму. У верхнего края пергамента был цифрами указан год – 1251. Его мы оба могли прочитать. А ещё мама показала мне слово *Моржан*, которое упоминалось ещё четыре раза.

Мой отец был аристократ, добрый приятель и шталмейстер⁶ принца Давида. Они умерли от одной и той же болезни с разницей менее чем в неделю. Мама не знала валлийского языка и так и не смогла почувствовать себя в Уэльсе как дома. Она происходила из обеспеченной норвежской семьи, хоть и не голубых кровей. После смерти отца мы с матерью вернулись в Норвегию, и в первый же год она снова вышла замуж.

Мама указала на другое сочетание букв, которое многократно повторялось.

– Я думаю, это *ты*, – сказала она, обведя слово пальцем. – Я думаю, это значит «Артур».

– Почему? – спросил я, поглаживая Балдура, который мурчал на моих коленях. – Зачем им писать обо мне?

Когда я спросил в первый раз, мама быстро и пронзительно посмотрела на меня, и мне показалось, я услышу ответ. Но её губы тут же сжались, и она будто проглотила слова. Я спросил второй раз, и мама выпалила:

– Там есть земля, которая принадлежит тебе по праву. Но откуда нам знать, оставили ли её тебе?

Я задал вопрос в третий раз – она, сложив письмо, указала мне на дверь и приказала идти работать в поле.

Пока отчим показывал послание священнику, который тоже не смог его прочитать, я быстренько придумал собственную версию того, о чём говорится в письме и с какой целью оно было отправлено. Я не знал, умер ли кто-то в Уэльсе или же скоро умрёт. Я не знал, связано ли оно с тем, что мне недавно исполнилось двенадцать лет и я стал взрослым, или с другими обстоятельствами. К примеру, с новой войной между Англией и Уэльсом.

Время бежало, а я становился всё более и более уверенным в том, что родня хочет меня видеть; что они вызывают меня в Уэльс, чтобы я дрессировал королевских лошадей, катался верхом с юными принцами и получил то, что мне принадлежит по праву как единственному сыну и наследнику своего отца.

⁶ Шталмейстер – главный конюший.

Глава 7

Проклятый горшок

Доктор поднялся из-за стола и попросил меня подождать его здесь. Он сказал, что капитан остановился в одной из комнат трактира. Они посоветуются, и доктор тотчас же вернётся за мной. Если капитан даст добро, я окажусь на борту корабля вместе с моряками уже сегодня вечером. И тогда мне нужно будет всего лишь кормить медведицу и убирать за ней по пути в Лондон. *Всего лишь!*

Доктор, по-видимому, заметил мои сомнения и поспешил приободрить меня.

– Ты прекрасно сможешь делать всё это, не заходя в клетку. Мы выдадим тебе мётлы и грабли с длинными черенками. Ты будешь в полной безопасности. Даю честное слово.

Но я уже мысленно вернулся в клетку, вспоминая запах медвежьей шерсти, огромные чёрные когти и дыхание медведицы на своих щеках. В моих ушах до сих пор звучали рёв и ужасающий хруст кроличьей ножки, а перед глазами стоял глубокий багровый рубец на руке доктора.

Доктор ушёл, и я в очередной раз подумал, что, возможно, мне стоило остаться в поместье: там меня всегда могли накормить и обогреть. Правда, никому никогда до меня не было дела, кроме мамы, конечно же. И не будет.

Я спрятал ложку и нож обратно в котомку и положил её себе на колени. Гомон гостей в трактире постепенно становился всё менее отчётливым; теперь он скорее напоминал монотонный убаюкивающий рокот, поглощающий все другие звуки. Беспокойство внутри меня улеглось, и я ощутил приятное тепло и тяжесть. Мои веки сомкнулись, и я начал судорожно моргать. Скрестив руки на столе, я опустил на них голову и предался потоку тяжёлых воспоминаний.

* * *

Я не мог точно сказать, когда это началось, но уже много лет меня не покидало ощущение, будто я потерпел кораблекрушение и оказался на чужом берегу среди дурных, неподходящих людей. Мне было негде укрыться от игр в войну, в которых я всегда проигрывал; от боёв на лошадях, которые я ненавидел; от игр в утопленников, в которых я чудом оставался жив. Я никогда не смог бы добиться расположения ни сводных братьев, ни отчима. Я был меньше и темнее, чем они, и походил на своего валлийского папу больше, чем на маму.

Я просил отчима разрешить мне объезжать лошадей вместе с ним, но он говорил, что я слишком мал для такой работы и к тому же он уже давно собирался поручить это дело Хальвдану. Тогда я попросил разрешения ухаживать за любыми другими животными, но отчим не позволил мне даже этого. Он отправлял меня рвать камыш, или рубить деревья, или чинить заборы вместе со слугами, которые и подавно не нуждались в моей помощи.

И я сбежал. Сбежал из дома в предрассветный час, холодным майским утром 1252 года от Рождества Христова, захватив с собой холщовую котомку с письмом из Уэльса, ясеновой ложкой в коробочке и маленьким острым ножом. Я умыкнул два пенни из-под половицы, где отчим прятал деньги; верну когда-нибудь потом. В погребе взял большой кусок сыра, несколько полосок солонины и лепёшку. Я надеялся, что этих припасов хватит до Бергена, где я рассчитывал найти корабль, отплывающий в Уэльс, и начать новую жизнь.

Я знал, что маме было бы легче, если бы я сообщил ей о своих планах, а не исчез посреди ночи. Но я боялся, что она начнёт плакать и отговаривать меня. А ещё мне хотелось чувство-

вать себя важным – ходить в походы с принцами и занимать достойное место в мире настоящих мужчин. Я решил написать маме позже, когда найду родственников отца.

Я шёл пешком до рассвета, а потом незаметно залез в телегу к меднику, следовавшему на юг. Ближе к полудню повозка остановилась у трактира, и я, соскочив с неё, перебрался в фургон аптекаря.

В середине четвёртого дня, преодолев сотни лиг пешком и сменив девять телег и фургонов, я наконец въехал в порт Бергена в повозке, запряжённой пони. Последний отрезок пути я прятался под заячьими и лисьими шкурами. Голова трещала от недосыпа, ноги были стоптаны и покрылись мозолями, а спина болела от тряски по грязи и колдобинам.

Я соскочил с повозки и отправился в гавань. Но ни один капитан не хотел брать на судно такого маленького юнгу, не имеющего никакого опыта. Мои припасы быстро закончились, а деньги стащил карманник. Я мог бы сдаться и с позором вернуться в поместье, но меня останавливало то, что на обратном пути я мог просто умереть от голода.

* * *

Приближающиеся голоса и топот сапог заставили меня отвлечься от воспоминаний. Я поднял глаза и увидел, что скамьи рядом со мной и напротив заняты пьяные моряки.

– Это наш стол, парнишка, – сказал один из них. – Если хочешь спать, поищи себе кровать.

– Но я пришёл первый! – возразил я.

Взрыв смеха. Толчок – и вот я на полу, устланном камышами.

Я подобрал котомку, закинул её на плечо и поднялся.

Толпа в трактире становилась всё более пьяной и беспокойной. Некоторые моряки по-прежнему танцевали, но даже не пытались двигаться в ритме музыки; они раскачивались, спотыкались и кружились. Я юркнул в сторону, чтобы не попасться на глаза жестокому головорезу, но тут же врезался в другого, ненароком выплеснув эль из его кружки. Моряк замахнулся и крепко выругался, а я поспешил раствориться в толпе.

Почему доктор не возвращался? Он ведь сказал *«тотчас же»*. Сколько времени прошло с тех пор?

Я пошёл к лестнице, где в последний раз видел доктора. Пробираясь между моряками, я внимательно смотрел по сторонам и следил за тем, чтобы меня не толкнули и не затоптали. Почти дойдя до лестницы, я заметил знакомое лицо.

Хаук.

Он вернулся.

И другой – худой с фонарём – тоже.

Я вспомнил: Хаук отправляется в Лондон. А это значит, нам ещё, возможно, придётся с ним встретиться... но только не сейчас.

Я выскочил на лестничную клетку и побежал наверх. Лестница оказалась узкой и тёмной, с крутыми неровными ступенями и без поручней. На полпути я обернулся.

Никого. Отлично.

Лестница привела меня на второй этаж. В конце длинного тёмного коридора я различил приглушённый свет, исходящий из слегка приоткрытой двери. Голоса. Двое мужчин в комнате о чём-то горячо спорили, и, кажется, один из этих голосов принадлежал доктору.

Медленно, на цыпочках я приблизился к двери, чтобы расслышать их разговор.

– Я не могу просить его об этом! – сказал доктор.

– Почему нет-то? Если он уводит еду из-под носа у моих работяг-моряков, он должен её заслужить. И мне нужны доказательства, а не твоё дурацкое чутьё.

– Он ни за что не согласится, Рольф. Мы его упустим.

– Ну, тогда просто возьмём его. Не спрашивая.

– Так не получится. Если его принуждать, от него не будет никакой пользы. Он не только не успокоит, медведицу, но и разозлит ее ещё больше.

– Ха! Да он в отчаянии. Беглец, говоришь? Без пенни в кармане? Кстати, кому-то всё равно нужно будет застёгивать на ней шлею. Зверолов сказал...

Голос стал тише, и теперь я слышал только неразличимый низкий гул.

Я подкрался поближе и оказался прямо за дверью. Сердце бешено колотилось и как будто хотело выскочить из груди. *Беги, беги, беги.* Но я должен был дослушать.

– ...может покалечить его, – заметил доктор.

– Что ж, если это произойдёт, мы будем знать наверняка, что мальчишка нам не нужен.

– Если она покалечит его, он не будет нужен никому.

Звучало не очень вдохновляюще. Я хотел было уйти, но тут ударился ногой обо что-то твёрдое. Это оказался ночной горшок. Он с грохотом покатился по коридору, и всё его содержимое расплескалось по дощатому полу.

– Кто там? – раздался командный голос.

Я побежал. За моей спиной послышались тяжёлые шаги. Я бы мог улизнуть, если бы не поскользнулся на мокрой дорожке, оставленной проклятым горшком. Чья-то рука ухватила меня за шиворот, и я больше не мог двинуться с места.

– Что ты здесь забыл, маленький поганец?

– А вот и ты, Артур.

Теперь это был доктор. Меня развернули, и я увидел: он стоял в дверном проёме.

– Вижу, ты уже познакомился с капитаном, – заметил он. – Проходи, парень, нам надо поговорить.

Глава 8

Волчье логово и крысиная нора

У меня не было выбора: капитан не стал церемониться и затолкал меня в комнату, громко хлопнув дверью. У него был длинный кривой нос, холодные пронзительные глаза и белёсые лохматые брови. За его спиной я разглядел узкую кровать и горящий камин.

– Ну? – требовательно спросил капитан.

Я не совсем понял, что он имеет в виду. Может, он хотел узнать, что я делал в коридоре? Или ждал объяснений насчёт медведицы?

Капитан вскинул кустистую бровь и повернулся к доктору.

– Пока не впечатляет! – воскликнул он. – Он говорить хоть умеет?

– Артур, – обратился ко мне доктор. – Капитан хочет лично убедиться, что ты справишься с медведицей, прежде чем взять тебя на борт. Нам нужно вернуться в амбар и...

– Чтобы она покалечила меня? И я был бы никому не нужен?

– Ах ты мелкий прохиндей! – выругался капитан. – Я сам тебя покалечу, к чёрту дрянного медведя!

Доктор примиряюще поднял руку.

– Никто не хочет, чтобы тебя калечили, Артур. Я уже говорил: тебе не придётся заходить в клетку. Просто постой рядом.

Капитан презрительно хмыкнул; доктор бросил на него короткий взгляд.

– Но если мы увидим, что ты можешь усмирить медведицу, – продолжил доктор, – мы возьмём тебя с собой в Лондон. Что скажешь?

– Слушай сюда! С чего я вообще должен давать ему выбор? – рявкнул капитан. – Давай просто потащим его туда и...

– Потому что иначе всё будет без толку, – раздражённо ответил доктор. – Забудь о шлее. Даже я не могу подойти достаточно близко, чтобы застегнуть её. Ты что, не видишь? Медведица не ест, не спит, целыми днями мечется по клетке. Кожа на её боках воспалилась, и она нападает на меня каждый раз, когда я пытаюсь ей помочь. Мы не можем допустить, чтобы она выглядела больной по прибытии в Лондон или ещё хуже – умерла в пути. Я уже говорил тебе...

– Да сотню раз или больше, – отмахнулся капитан. Мне показалось, в его голосе звучала ирония. – А теперь слушай меня...

– Она запугает всех матросов – и ты это знаешь! Если мальчик сможет её успокоить, нам всем будет лучше.

– Я только за, Гарт. Давай пойдём туда и посмотрим, что будет.

– Снаружи клетки. С его согласия. Если мы заставим его силой, медведица почувствует это... Не спорь со мной, я знаю этого зверя. Она почувствует – и тогда нам всем несдобровать.

Капитан вскинул брови.

– Это тебе несдобровать, – сказал он. – За медведя отвечаешь ты. Своей головой.

– Если что-то пойдёт не так, не думай, что король спустит тебе это с рук.

Я удивлённо уставился на доктора. Король?

«Я служу могущественному человеку».

Король? Так значит, это королевская медведица?

Капитан скрестил руки на груди и искоса посмотрел на меня.

– Ну, давай, скажи что-нибудь! Бестолковый мальчишка, – буркнул он себе под нос.

– Решай, Рольф, – сказал доктор. – Сейчас ты говоришь, что он бестолковый, а потом днём с огнём не сыщешь.

– Как ты смеешь так разговаривать со мной?

– Ну, мы ведь пока не взошли на борт.

Доктор сделал глубокий вдох и продолжил более миролюбивым тоном:

– Капитан, так будет лучше для всех нас. Мы будем спокойны за медведицу, а Артур сможет добраться до Лондона.

Лондон. И тут я всё понял. Доктор же говорил: *«Подарок. Одного могущественного человека другому»*.

– Так значит, этот медведь – подарок короля Хокона... королю Англии? Королю Генриху?

– Ты что, сказал ему? – Капитан с досадой плюнул на пол. – Отлично, теперь это будут обсуждать все беспризорники и шпионы в Бергене.

– Я не говорил, но нас никто и не просил держать это в секрете, – ответил доктор. – Генрих уже осведомлён о подарке. Какая разница, кто ещё знает?

– Господи, избавь меня от дураков! Если станет известно, что на моём корабле королевский подарок, пираты полезут на нас из каждого волчьего логова и каждой крысиной норы.

Доктор вздохнул, а я по-прежнему думал о короле Генрихе. Мой отец воевал плечом к плечу с принцем Уэльским Давидом против него. Но Давид погиб, и его племянники заключили мир с Англией, так что теперь Генриху ничего не надо, даже от сына бывшего врага. Надеюсь.

– Что скажешь, Артур? – спросил доктор. – Давай сходим к медведице ещё раз. Даю тебе слово: ты будешь в безопасности. Тебе вообще не придётся заходить в клетку. И ещё, – добавил он, – помни: ты будешь выполнять важное поручение короля Хокона. Если с медведицей что-то случится, это будет плохо и для короля, и для Норвегии.

«Ну и пусть король найдёт кого-нибудь другого для своих поручений», – подумал я.

Я вовсе не был в восторге от этой медведицы. Более того: я чудом избежал смерти от её лап... хотя, должен признать, я ощутил с ней какое-то странное единство. Но я должен понимать: эти люди явно не собираются меня беречь. Пожалуй, доктор будет заботливее. Но капитан выше его по рангу, и доктор всё равно в первую очередь станет думать о спасении собственной шкуры.

А как я доберусь до Уэльса? Это ведь далеко от Лондона, а у меня нет денег ни на ночлег, ни на еду...

– Вы можете мне добраться до Уэльса? – спросил я. – К моим родным?

Капитан закатил глаза, но доктор ответил со всей серьёзностью:

– Да. Если ты докажешь нам, что можешь усмирить полярного медведя, я обещаю помочь тебе добраться до Уэльса.

Теперь они оба смотрели на меня и ждали. Огонь в камине резко вспыхнул и разгорелся сильнее, и тени на их лицах заиграли, отчего они казались то зловещими, то мягкими и благодушными.

Я смогу потребовать принадлежащие мне по праву рождения земли. Объезжать королевских лошадей с принцами, как мой отец...

– Отлично, – согласился я.

Глава 9

Тихое сопение

Мы слышали медведицу раньше, чем увидели. Тяжёлая ритмичная поступь, глухие удары, лязг металла. Едкий запах рыбы в воздухе смешивался с мускусным запахом зверя.

Мы медленно продвигались вперёд по тёмному амбару – доктор, капитан и я, – пока я не различил в полумраке очертания большой белой фигуры. Доктор жестом попросил нас остановиться, и мы стали следить за зверем из-за ящиков и мешков. Медведица была ростом примерно с пони, чуть длиннее оленя, а в ширину – как два быка. Она расхаживала по клетке из стороны в сторону и мотала головой. Длинная шея и нос с горбинкой придавали её силуэту особое благородство. Я уловил запах медвежьей шерсти и вонь навоза. Меня охватил страх, и на мгновение мне показалось, будто мои кости и жилы размякли.

«Я не должен заходить туда, – бормотал я про себя. – Доктор пообещал. Я им нужен».

Медведица ходила по клетке шаркающей косолапой поступью. Её передние лапы были широкими и лохматыми. Упираясь в прутья решётки, медведица вскидывала голову и мотала ею из стороны в сторону, нетерпеливо пыхтя.

– Просто подойди поближе, – мягко сказал доктор. – На безопасное расстояние, но...

– Но достаточно близко, чтобы мы могли *что-то* увидеть, – мрачно перебил его капитан. – Мы не затем сюда пришли, чтобы смотреть, как ты прячешься за ящиками с треской и морским сухарём.

Внутри меня постепенно будто расплзались темнота и холод. Я сказал, что справлюсь, но теперь я не хотел ничего делать. По правде говоря, я думал о том, что глупо было сбегать из дома. Мои ноги зудели; мне хотелось бежать без оглядки, пока я не окажусь в поместье, где не будет никого опаснее Балдура, Локи, спокойных, ласковых лошадей и овец.

Я оглянулся, посмотрел на ворота амбара и подумал, что могу просто уронить фонарь и сбежать. Но в ту же секунду доктор взял фонарь из моих рук.

– Артур, подумай о семье своего отца; подумай об Уэльсе, – сказал он. – Нам нужна твоя помощь. И я не стал бы просить тебя о том, что причинило бы тебе вред.

Можно ли ему верить? Я совсем не знал этого человека. И даже если сейчас он не подвергал меня опасности, это ещё не значило, что он поступит так же, когда мы окажемся в открытом море и мне некуда будет бежать.

Медведица издала странный, долгий и низкий звук. Наверное, это можно было бы назвать воем, но точно не рёвом. Что-то похожее на ворчание или стон, в котором чувствовались невыносимая грусть, жалоба и скорбь.

Я проглотил слюну и пошёл вперёд.

Когда я был уже на расстоянии вытянутой руки от медведицы, она обернулась и принялась. Я заметил расстёгнутую шлею, повисшую сбоку. Медведица снова издала тот же звук, а потом, судя по всему, увидела меня и остановилась. Она не шевелилась, только сопела, но я ощутил, что её гложет желание сбежать и это желание вызывает назойливое жужжание по всему телу.

«Я знаю, каково это, – подумал я. – Я знаю, что ты чувствуешь».

Я подошёл к ней вплотную. Монотонное жужжание внутри меня становилось всё громче. Медведица просунула нос между прутьев решётки и начала приняхиваться ко мне.

– Артур... – предупреждающе произнёс доктор.

Капитан фыркнул.

Я подошёл ещё ближе; настолько близко, что мог слышать зловонное медвежье дыхание и почти касался большого чёрного носа, который напряжённо приняхивался и искал меня. Возможно, медведица учуяла капли сока от кроличьей ноги, которой я её угостил, или запах

подливки, которую ел в трактире, или моё желание сбежать. А может, она услышала то же жужжание внутри меня, что было внутри у нее.

Жужжание. Я вдруг понял, что сам издаю этот звук. Он не в моей голове. Я наклонился вперёд, между двумя железными прутьями, и медведица обнюхала моё лицо, вдыхая мой запах и ловя тихие звуки песни, которую я напевал себе под нос.

– Артур!

Я почувствовал, как доктор ухватил меня за плащ и попытался оттащить, но я вырвался и, продолжая тихонько жужжать, снова подался навстречу медведице.

Почувствовав тихое сопение около лба, щёк и губ, я увидел, что шлея вокруг шеи медведицы держится, а та часть, которая должна опоясывать спину, расстёгнута. Осторожно просунув руки между прутьев, я потянулся к застёжкам, которые должны были соединяться на груди. Мои пальцы нащупали детали, и, изучив их, я медленно и неуклюже застегнул ремни. Я немного колебался, а потом робко погладил медведицу по загривку. Её шерсть была густой и жёсткой.

Она издала тихий рокочущий звук с вопросительной интонацией. Ворчание? Или приветствие? А потом медведица отвернулась и растянулась на полу. Опустив голову, она устало вздохнула и закрыла глаза. Но одна из её задних лап (размером с хорошего кобеля) высунулась из клетки и придавила мою ногу.

Я продолжал тихонько петь себе под нос. От медвежьей лапы на моём ботинке исходило живое тепло. Я перестал петь. Сделав несколько вдохов в тишине, я аккуратно вытащил голову из клетки и обернулся.

Доктор немедленно оттащил меня к себе.

– Откуда ты знал, что надо делать? – шёпотом спросил он. – Я имею в виду, петь?

– Не знаю. – Я пожал плечами. – Само получилось.

– Ну что ж, – сказал доктор и потёр глаза.

Он вдруг стал как будто очень уставшим.

– Что скажешь? – обратился он к капитану.

Капитан нахмурил косматые брови, внимательно изучая меня взглядом. В его холодных глазах читалось одобрение. Затем он посмотрел на медведицу и пожал плечами.

– Одному богу известно, как животное поведёт себя в беспокойном море. И только бог знает, сможет ли мальчишка успокоить её тогда. Но если ты считаешь, что он пригодится, я готов взять его на борт.

Глава 10

Королева Маргрете

Капитан был прав насчёт одного: на следующее утро все, кто мог, явились в гавань, чтобы посмотреть, как будут грузить на корабль королевского медведя. Слухи разлетелись очень быстро. В порту собрались люди всех мастей: рыбаки и моряки, торговцы и попрошайки, плотники и кузнецы. Было даже несколько женщин (жёны моряков, служанки и матери с младенцами на руках). Дети носились по набережной среди оборванцев и нищих, и в гавани царило праздничное настроение: вокруг смеялись, пели и кричали.

Я старался не отставать от доктора, пока он пробирался сквозь толпу зевак. Наконец он остановился и указал на корабль перед нами.

– Вот она, – торжественно сказал он. – «Королева Маргрете».

Это было большое широкое судно, но оно казалось гораздо красивее, чем массивные заморские когги⁷, стоявшие в гавани. У «Королевы Маргрете» были ахтерштевень⁸ и штурвал, как у более современных судов, в кормовой части располагался ют. Но её киль, изящный и горделивый, изгибался, как у традиционных норвежских судов.

Моряки носились с берега на палубу и обратно, таская мешки и ящики по трапу. Капитан выкрикивал приказы. Выкатили колёсный подъёмный кран. И тут в шуме толпы, где-то за нами, я услышал знакомое пыхтение.

Медведица.

Я не видел её из-за столпившихся зевак, но слышал, как изменился тон их криков: по гавани прокатилось ошеломлённое «о-о-о-о-о-ох». Я ощутил движение толпы и вскоре услышал скрип колёс телеги. Через пару мгновений я увидел её – медведицу, расхаживающую по клетке из стороны в сторону.

Она была великолепна: в выражении её длинного аристократического лица (даже мордой не назовёшь) читались чувство собственного достоинства и благородство; её шерсть сливочного оттенка напоминала белое золото.

В глубине души я опасался, что доктор сейчас отправит меня к ней, чтобы успокоить, но он положил руку мне на плечо и сказал:

– Подожди.

И тут один из моряков вскарабкался на клетку и начал кривляться перед медведицей на потеху зевакам. Толпа загудела, поднялся хохот. Капитан погрозил моряку и гневно закричал, но его слова утонули в общем гомоне. Тем временем над клеткой опустилась цепь подъёмного крана с толстым железным крюком. Моряк, стоявший на крыше, зацепил крюк за прутья и спрыгнул на набережную.

Заскрипели канаты, и клетка с медведицей начала медленно подниматься. Зверь яростно взревел; клетка закачалась, и медведица съехала в угол, тщетно пытаясь удержаться на одном месте. Она ударилась о прутья клетки, но это ещё больше развеселило толпу.

– Дураки, – пробормотал доктор. – Она живое существо, а не бочка эля.

Я задержал дыхание, когда стрела крана неторопливо развернулась над набережной и клетка повисла над кораблём. Капитан выкрикнул команду, и клетка, раскачиваясь из стороны в сторону, начала медленно опускаться на палубу «Королевы Маргрете», но вдруг что-то скрипнуло. Канат, разматываясь, зашипел, и клетка с грохотом рухнула вниз.

Я хотел было побежать на корабль, но доктор поймал меня за руку.

– Артур, стой, – сказал он.

⁷ Когг – средневековое одномачтовое палубное парусное судно.

⁸ Ахтерштевень – задняя оконечность корабля в виде жёсткой балки или рамы сложной формы.

Вырвавшись, я кое-как пробился сквозь толпу, взбежал по трапу и впереди увидел медведицу. Она забилась в угол клетки, не шевелясь и не издавая ни звука. Запрыгнув на палубу, я бросился к ней. Клетка упала за мачтой, ближе к корме; она была сплющена с одной стороны и повреждена во многих местах. Медведица не двигалась.

– Мальчик! – крикнул капитан.

Я обернулся и увидел десятки лиц – люди наблюдали за нами с берега; капитан и доктор были среди них.

Капитан нахмурился.

– Давай, мальчик, посмотри, как там она, – велел он. – Жива?

Я постарался успокоиться и пристально посмотрел на медведицу. Да. Её бока и спина едва заметно поднимались и опускались.

Жива.

Я переместился в тот угол, где она лежала, и подполз поближе. Сев рядом, попытался дышать с ней в унисон, а затем начал негромко напевать успокаивающую мелодию. Медведица застонала, грузно приподнялась, повернула ко мне голову, а затем издала хриплый рык – жалкое подобие грозного рёва, который мне доводилось слышать от неё раньше, – как будто она жаловалась. Медведица встала, начала обнюхивать углы клетки, шаркая лапами. Казалось, с ней всё в порядке: она даже не хромала.

Моряки и зеваки заулюлюкали, но медведица не обратила на них ни малейшего внимания.

– Осмотри клетку, мальчик! Убедись, что она не сможет выбраться, – скомандовал капитан.

Я заметил, что один из углов клетки проломил палубную доску, а некоторые прутья погнулись, но медведица точно не смогла бы выбраться. Подёргав за прутья, я убедился, что ни один из них не шатается, однако дверь пострадала: осталась запертой, но сильно помялась при падении, и одна из петель повредилась.

Об этом я и сообщил капитану, и тот отправил двух моряков чинить сломанную петлю, а я остался рядом с медведицей, чтобы её успокаивать. Когда они закончили, капитан крикнул:

– Пошевеливайся, мальчишка! Чего ты сидишь? У нас тут полно дел, а ты мешаешься под ногами.

Оставшаяся часть команды в суете и суматохе поднялась на судно. Я нашёл тихое место у киля и молча наблюдал за моряками, спрашивая себя, когда я в последний раз бежал навстречу опасности, а не прочь от неё.

Часть II

Северное море

Глава 11

Навоз

Итак, мы отчалили ясным ветреным утром в начале июня. Большой квадратный парус в золотую и багряную полоску наполнился ветром. Моряки карабкались по выбленкам⁹ вверх-вниз, переговаривались и подбадривали себя песнями. Ветер трепал мою одежду и волосы, солёный воздух вытеснил из головы тяжёлые мысли, и во мне неожиданно проснулись надежда и радость жизни. Я испытал то особенное чувство, которое появляется, когда отправляешься в большое приключение. Мир казался мне огромным и полным возможностей, и я начинал верить, что даже невезучий пасынок землевладельца может навсегда уплыть в другое королевство и там биться плечом к плечу с благородными принцами. Я бродил по палубе, время от времени мешаясь у матросов под ногами, и не без зависти наблюдал за их работой: я понимал, что мне не стать одним из них. Я оставался обычным мальчиком, которого взяли на борт, чтобы ухаживать за медведицей.

И вскоре это стало очевидно для всех.

– Мальчишка!

Навстречу мне шёл крепкий как бочка и такой же толстый моряк. Его загорелое лицо было испещрено морщинами, а в длинной тугой косе виднелись седые пряди. Он сунул мне в руки лопату с длинным черенком и ведро, а затем указал в сторону медвежьей клетки.

– Пора зарабатывать свой хлеб.

* * *

Навоз был довольно жидким и растекался, как студень, остывающий на блюде, – как дюжина студней, сваленных в огромную дымящуюся кучу. Он отличался от лошадиного или овечьего, который мне не раз приходилось убирать до этого. Его было больше. Он был чернее. Мокрее. Но хуже всего другое: когда корабль качало, огромная куча вздрагивала и ползла по полу медвежьей клетки, как гигантский моллюск, и оставляла за собой широкую коричневую липкую дорожку. Он вонял. Я старался дышать ртом, чтобы не чувствовать этот запах, но он обжигал мне горло и разъедал глаза. Я бросил взгляд на медведицу, которая растянулась в дальнем углу клетки. Она дремала, но один её глаз был приоткрыт, и мне казалось, медведица наблюдает за мной. Я взялся за лопату и просунул её между железными прутьями, чтобы достать до навозной кучи.

Корабль накренился. Я схватился за клетку, пытаюсь удержаться на ногах. Навозная куча сдвинулась с места и переместилась на другой конец клетки. Теперь её было не достать.

– Давай там пошустрее! – крикнул один из моряков. – Воняет невыносимо!

Я восстановил равновесие, взял лопату в одну руку, грабли – в другую и обошёл клетку, чтобы выгрести навоз с другой стороны. Я опустил грабли, снова просунул лопату в клетку, почти подцепил кучу, но тут корабль снова покачнулся. Я прижал лопатой кусок навоза и удержался.

⁹ Выбленки – тонкие тросы, ввязанные горизонтально между вантами, параллельно друг другу.

жал его, но оставшаяся – большая – часть (то есть девять или десять студней) заскользила в направлении от меня.

Поддев навоз лопатой, я вытащил его из клетки, обернулся, чтобы взять ведро, но, как оказалось, оно укатилось в сторону. Потянувшись за ним, я уронил лопату. Корабль снова накренился; чтобы не потерять равновесие, я взмахнул руками и вляпался прямо в медвежий навоз, а, поскользнувшись, упал и забрызгал навозом всю палубу.

Моряки в носовой части корабля загоготали.

– Неуклюжий болван, – сказал кто-то из них.

Голос показался мне знакомым, и я поднял глаза.

Хаук.

– Заморыш! – добавил другой.

– Ты воняешь на весь корабль.

– Шевелись, *навозный мальчишка!*

Снова Хаук.

– Навозный мальчишка! – подхватил Оттар, худой матрос, которого я раньше видел с Хауком.

Моё лицо горело; внезапно жар разлился по всему телу. Я схватился за прутья клетки и встал на ноги. Осталась последняя куча. Быстро взяв в руки лопату, пока она не ускользнула от меня, я попытался снова, и с первого раза ничего не получилось. Со второго тоже. Но я уже знал, чего ждать, и ловко прихлопнул скользкую кучу лопатой.

Попалась!

Я аккуратно поволок лопату в сторону ведра, но тут медведица, всё это время дремавшая в углу, зевнула, лениво поднялась и начала писать. По полу клетки побежала вонючая мерзкая жижа. Струя попала прямо в навозную кучу, намочив её, потекла дальше по палубе и остановилась у моих ног.

Раздался взрыв хохота.

– Навозный мальчишка!

– Ненавижу тебя, медведица, – буркнул я. – Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Глава 12

Всё же не лошадь

Позже, после того как я помыл пол клетки и ополоснул его несколькими вёдрами солёной воды; после того как выдраил запачканную часть палубы, принёс из трюма полную корзину рыбы и по одной штуке скормил медведице; после того как отмыл навоз с плаща и туники, постирал носки, помыл и спрятал ботинки (я решил, что будет разумнее ходить босиком, как все остальные)... после всего этого ко мне подошёл старый моряк, который сказал, что мне «пора зарабатывать свой хлеб». Он велел мне взять ложку из кладовой и повёл в носовую часть корабля, где кок раздавал морской сухарь и тушёную треску. Кок поприветствовал старого моряка, назвав по имени – Торвальд, – и протянул ему деревянную миску для меня.

– Ешь на здоровье, – сказал Торвальд.

Он взял ещё одну порцию для себя и занял место среди шести молодых моряков, которые сидели на палубе, скрестив ноги.

Хаук посмотрел на меня с недоброй улыбкой, что была хорошо мне знакома: мои сводные братья улыбались так же, когда замыслили что-то против меня.

– Навозный мальчишка, – пробормотал он, и несколько моряков засмеялись.

Торвальд окинул их суровым взглядом, и матросы отвернулись. Каждый занялся своим делом – кто-то продолжил трапезу, кто-то играл в карты или кости, а один из них – приспешник Хаука, тощий Оттар – обстругивал палку.

Я взял ложку и принялся за еду. Вскоре вокруг начались разговоры: сплетничали о незнакомых мне людях. Когда речь зашла о докторе, я наострил уши. Со слов моряков, раньше он был лекарем короля Хокона, но потом сделал неудачную операцию любимой племяннице Его Величества и оставил на её лице уродливый шрам. Король был в гневе и немедленно отправил доктора в отставку, а в качестве дополнительного наказания поручил ему сопровождать медведицу в Лондон. Если она заболеет или получит травму в дороге... никто не мог сказать наверняка, какая участь ожидает доктора. Можно не сомневаться в одном: кара будет суровой.

Кто-то позвал Торвальда, и тот медленно встал и направился в сторону юта, где находилась каюта капитана.

– Навозный мальчишка, – повторил Хаук.

Матросы захихикали.

– Хаук, когда мы перевозили лошадей, это было *твоей* обязанностью, но никто почему-то тебя не обзывал, – заметил рыжеволосый моряк.

– Я навоз просто убирал, Кетил, а не бегал за ним по всей палубе.

Оттар прыснул, отвлекаясь от работы.

– Это всё же не лошадь, не так ли? – возразил моряк. – Вспомни, что этот зверь сделал с доктором. Я видел его руку сразу после происшествия. Прогрыз до кости, отвечаю.

Матросы сразу помрачнели. Один перекрестился, другой пробормотал что-то себе под нос и покачал головой.

– По мне, так то же самое, – отмахнулся Хаук. – А вчера он, между прочим, стащил мой ужин, так что...

Он потянулся к моей миске, подцепил ножом последний кусочек трески и, глядя мне прямо в глаза, надкусил рыбу и с нескрываемым злорадством проглотил её.

Боковым зрением я видел, как остальные начали тревожно переглядываться. Оттар нервно усмехнулся; другие матросы отвели глаза.

Я знал, что должен отвоевать свою еду, но Хаук был больше и сильнее меня, а я слишком устал, чтобы дать достойный отпор.

Глава 13

Те же самые звёзды

Ночью я укрылся овчиной, которую дал мне Торвальд, и свернулся калачиком на палубе среди моряков, прислушиваясь к новым звукам: монотонному шелесту моря, поскрипыванию мачты, треску и шёпоту паруса. Глухому стуку и шуршанию груза в трюме.

Рядом кто-то храпел. Кто-то бормотал во сне. А чуть вдалеке отчётливо слышался другой звук, который я ни с чем бы не спутал. *Бум. Бум. Бум.* Медвежьи шаги.

Она никак не могла уснуть.

Я натянул на голову плащ, чтобы заглушить этот звук, но всё не мог стереть из памяти хриплый жалобный стон медведицы, когда она ударилась о палубу, упав вместе с клеткой.

Бум. Бум. Бум.

Я откинул плащ, перевернулся на спину, посмотрел на звёзды, сияющие в тусклом молочном свете луны, и тут подумал: а вдруг мама смотрит сейчас на эти же звёзды? Может быть, она тоже не спит этой ночью и гадает, где я. Интересно, они искали меня? Проверяли ли сарай, домик лодочника, пещеры в горах? Спрашивали в соседних поместьях? Просили посмотреть в хлевах?

Сожалели, что я ушёл? Думали, что могли быть добрее ко мне?

Мама...

Интересно, она скучает по мне?

Прямо сейчас?

И какой же я сын, если оставил свою любимую маму, не сказав ей ни слова?

Меня охватила невероятная печаль. Что я здесь делаю? Зачем я оставил маму и ушёл из дома? Неужели они действительно были *так* плохи, мои сводные братья? Насмешливые и грубые, они никогда не причиняли мне настоящего вреда. Это просто... такие злые игры. Просто у них такой характер. А теперь меня обзывают *навозным мальчишкой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.